

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

НАУКА УРАЛА

ОРГАН ПРЕЗИДИУМА, ПАРТКОМА И ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА ПРОФСОЮЗА
ОРДENA ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

9
ФЕВРАЛЯ
1989 г.

№ 6
(406)

Выходит с 17 октября 1980 г.

Цена 6 коп.

«Зубр»: мнение биолога

Весть о том, что в «Новом мире» готовится публикация повести Д. Гранина о Н. В. Тимофееве-Ресовском, я, как и многие другие ученики этого известного ученого, встретила с настороженностью. Еще помнилась неудачная повесть того же автора о другом биоло-

ге, А. А. Любищеве («Эта странная жизнь»), в которой вместо рассказа о судьбе человека, сутью жизни которого было научное творчество, речь шла в основном о том, как Любищев вел учет своего времени.

Если «Зубр» («Новый мир»)

1987, № 1, 2) написан затем, чтобы просто привлечь внимание к сложной судьбе видного биолога и яркого человека, имя которого долго замалчивалось или сопровождалось несправедливыми обвинениями.

[Окончание на 7-й стр.]

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

[Окончание.
Начало на 1-й стр.].

ми, то эта задача выполнена. Повесть читают, в ней говорят и задают нам, людям, работавшим и жившим рядом с Тимофеевым-Ресовским, недоуменные вопросы. Далеко не на все из них можно ответить, не решив предварительно, по законам какого литературного жанра следует судить «Зубру». Если это беллетристический вымысел, то почему героя названы именами реально существовавших или ныне здравствующих лиц и участву-

зал этого». Согласитесь, некрасиво: получил премию вместе главного автора открытия — и даже не упомянул его. В действительности, Дельбрюк был удостоен Нобелевской премии вместе с А. Херши и С. Лурия отнюдь не за работы, проведенные вместе с Тимофеевым-Ресовским в 30-е годы в Германии, а за исследования по генетике вирусов и бактерий, осуществленные в США в 40—50-е годы. Об этом также можно прочесть в книге Чолакова.

Создается впечатление, что Гранин часто не спрашивает

сительстве, подкрепленному конкретным именем А. К. Уральца, начальника атомного объекта, на котором после войны работал и жил Зубр. И тут придуманность истории Д. высвечивается в явном виде. В главе 37 читаем о том, как Тимофеевы-Ресовские угооваривают не брать с собой Д. при переходе с объекта в Уральский филиал АН СССР. «А. К. Уральц пытается его отговорить. Да понять, что Д... активно клевещет... Один из кадровиков... показал заявления, написанные рукой Д.». На самом деле такая сцена

лишнем педантизме, но беда в том, что невнимание Гранина к кажущимся мелочам неразрывно связано с непониманием того реального места, которое занимает наука в жизни истинного ученого, и того огромного влияния, которое она оказывает на формирование его личности. Квинтэссенция этого паразитического непонимания — один из абзацев в конце повести, относящихся к Тимофееву-Ресовскому и начинающихся словами: «Стихи были для него дороже, чем его науки...». Таким же нонсенсом выглядит сообщение

мысли 20—40-х годов — так изложена история эволюционной биологии в уже упомянутом труде Э. Майра «Рост биологической мысли», где Четверикову (единственному из русских ученых) посвящена отдельная глава. Ученичество у Четверикова было для Зубра событием огромной важности; он высоко чтил своего учителя и не раз говорил о его влиянии не только на научные судьбы, но и на личности его учеников. Это была глубинная творческая связь, но — увы — наука как творчество в повести Гранина практически отсутствует. Вместо этого — калейдоскоп имен и не объединенных серьезной художественной концепцией событий. А между тем именно наука как истинно творческая деятельность помогла Зубру выстоять перед судьями судьбы, дав ему ощущение причастности к непреходящим ценностям человеческого духа, неподвластным агню и мячу, чужой злой воле и личному страданию. Именно здесь кроется решение вопроса, на который так и не сумел ответить Гранин — вопрос об источнике духовной свободы Зубра, а также об источниках нравственной стойкости героя тяжелого периода советской генетики.

В интервью «Литературной газете» (1987, № 22) Гранин был вынужден принести извинения в связи с нарушением исторической истины и справедливости по отношению к известному генетику М. М. Завадовскому. Думаю, что ему следует сделать то же самое по поводу В. И. Вернадского, С. С. Четверикова, Н. К. Кальцова, А. Н. Северова, М. Дельбрюка, А. А. Ляпунова — тех людей, которых обвиняют в несуществовавших грехах выдуманного Д., а также извиниться перед читателями «Зубра», получившими массированную дозу дезинформации.

В заключение хочу высказать некоторые соображения, навеянные не только чтением «Зубра», но и дискуссией в «Литературной газете» по поводу дефицита образованных людей (1987, № 20). Необходимость гуманистического образования для формирования личности очевидна. Гораздо менее очевиден тот факт, что представления об устройстве мироздания, в первую очередь, живой природы, входят (хотя большей частью несознанно) в мировоззрение любого человека и в значительной степени определяют стратегию личности и общества в целом по отношению ко многим социальным и этическим проблемам. Вспомним, какое глубокое влияние оказали дарвинизм на западную цивилизацию, в частности, на эволюцию этики; вспомним, какое важное значение имело изучение естественных наук для молодой России второй половины XIX века. В наши дни знание основных законов природы каждым жителем Земли становится необходимым условием выживания человечества — в противном случае природу не спаси от разрушительных последствий технического прогресса, ибо технократ, вооруженный «естественно-научным» невежеством, не победим. Повесть о крупном ученом-биологе могла и должна была вызвать у читателя интерес и уважение к научному значению природы. Жаль, что этого не произошло.

Э. ГИЛЕВА,
доктор биологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экологии растений и животных УрО АН СССР.

г. Свердловск.

«Зубр»: мнение биолога

И сегодня достать эту книгу не просто: ее читают. *Мнение литературной критики единогласно: «Зубр» — одно из лучших произведений Даниила Гранина. Мы солидарны и расцениваем данный труд, если не как нравственный подвиг, то как мужественный поступок писателя-гражданина. Тем более, что для нас, уральцев, и ученых Урала,*

книга близка вдвойне: здесь прошел значительный этап творческой деятельности героя — Н. В. Тимофеева-Ресовского, здесь действуют ученики и продолжатели его дела. И думается поэтому, уральцы имеют право на особое мнение о повести, особые требования к автору.

и в событиях, действительно имевших место? Если же перед нами документальная повесть, почему в ней содержится так много заведомо ложной информации? Реакция критики убеждает в том, что «Зубр» воспринимается как рассказ об истинных происшествиях. К сожалению, далеко не все, написанное Граниным, выдерживает проверку фактами. Он сам был вынужден признаться в этом на страницах «Литературной газеты» (1987, № 22), однако там речь шла лишь о малой толице его фактических ошибок.

Повесть Гранина вызывает у читателя, близко знакомого с предметом, странное ощущение: нарисованные в ней картины жизни как бы находятся не в фокусе — они несколько напоминают реальность, но смешены по отношению к ней, то слегка, а то и весьма существенно. Ошибок слишком много, чтобы перечислить их полностью; ограничусь несколькими примерами.

Так, в главе 45 автор утверждает: «Кимберовская медаль была крупнейшей наградой генетиков, она заменяет Нобелевскую премию, поскольку Нобелевской для биологов нет». Типично для Гранина пример «работы не в фокусе» — элемент правды здесь есть, а в целом — искажение действительности. Известно, что в завещании Нобелля в числе естественно-научных дисциплин, по которым присуждаются премии, упомянуты физиология и медицина, но не биология. Поэтому многочисленные биологи, получившие Нобелевские премии, формально проводились по физиологии и медицине. Среди них было немало генетиков, в том числе Герман Меллер, о котором самим же Граниным сказано (глава 25): «...знаменитый американский генетик, дважды лауреат Нобелевской премии». Правда, и тут дезинформация: Г. Меллер получил Нобелевскую премию лишь один раз. Все приведенные мною сведения содержатся в книге В. Чолакова «Нобелевская премия» («Мир», 1986).

На этом путаница с Нобелевскими премиями не кончается. В главе 44 содержится серьезное обвинение в адрес замечательного ученого, ученика Тимофеева-Ресовского Макса Дельбрюка: «Дельбрюк... убеждал нас, что главный автор его открытия — Тимофеев-Ресовский, его идея... Правда, когда он получил Нобелевскую премию в Стокгольме, почему-то не скла-

дала невозможна, так как А. К. Уральц более чем за два года до переезда Зубра в Свердловск был переведен в Москву.

К сожалению, некорректное обращение Гранина с фактами послужило поводом для распространения необоснованных слухов и сплетен в окружении научной среды, поскольку в повести указано, что Д. объединяет черты нескольких реально существующих людей. Эти слухи распространялись еще до опубликования повести и послужили основанием для обращения ряда ученых (в их числе была и я) в «Новый мир» с просьбой проверить приводимые Граниным факты, прежде чем печатать повесть. Вызывает удивление позиция редакции журнала, не пожелавшей вникнуть в суть дела. Неужели горького опыта прошлых лет недостаточно, чтобы научиться не осуждать людей, не доказывать вину?

Самое печальное впечатление оставляют страницы, посвященные делу жизни Зубра — науке. Несмотря на собственное утверждение («Я не собираюсь писать о науке», глава 17), автор все же пишет о науке, и пишет не так уж мало, поскольку ясно, что без этого нельзя обойтись, если нужно показать, а не просто декларировать научные заслуги героя. При этом он обнаруживает паразитическую нелюбовь к естествознанию, вплоть до уровня программы средней школы. Казалось бы, вторгаясь в незнакомую область, литератор должен либо ознакомиться с ней в необходимых пределах, либо обратиться за помощью к консультенту — профессиональному — этого требует, на мой взгляд, элементарное уважение к читателю. Однако Гранин, общавшийся с большим числом первоклассных ученых, не сделал ни того, ни другого. Скажу лишь о нескольких ошибках, непростительных для любого человека со средним образованием: «суптические колебания гнуса от единицы до десятка миллионов» (глава 17) невозможны; « cobальтовых дельта-излучателей» (глава 35) в природе не существует; продолжительность существования радиоизотопов измеряется не «периодом распада» (глава 34), а периодом полураспада, и это «полу» (казалось бы, пустячок) имеет огромное значение для всего человечества, во много раз удлиняя сроки очистки природных систем от радиоактивных загрязнений.

Меня могут упрекнуть в из-